

14. Штейнер Р. Мистерии древности и христианство. – М.: СП «Интербук», 1990. – 125 с.
15. Успенский П.Д. В поисках чудесного/Пер. с англ.–СПб.: Изд-во Чернышёва, 1994.–528 с.
16. Бхагавад-гита как она есть. – М.: СП «Интербук», 1990. – 832 с.

Поступила в редакцию 6 июня 2006 г.

КОНТЕКСТ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР ЭСТЕТИЧЕСКИХ МОДИФИКАЦИЙ СЛОВ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

О.П. Конек

Разработка теории контекстуальной обусловленности как средства разграничения значений слова, его эстетического обословления была начата В.В. Виноградовым и А.И. Смирницким. В статье «Основные типы лексических значений слова» В.В. Виноградов прямо соотносит анализ значений слова с изучением его контекстуального окружения: «Значение слова определяется не только соответствием его тому понятию, которое выражается с помощью этого слова..., оно зависит от общественно осознанных и отстоявшихся контекстов его употребления, от конкретных лексических связей его с другими словами, обусловленных присущими данному языку законами сочетания словесных значений» [1].

А.И. Смирницкий в своих работах сформулировал основные принципы разграничения значений полисемантического слова: 1) различие в синтаксическом построении; 2) различие во фразеологической сочетаемости; 3) различие в синтаксическом построении и сочетаемости одновременно.

В лингвистической литературе последних десятилетий предлагаются разнообразные определения контекста. Одни исследователи понимают его узко – как релевантные признаки окружения, другие – более широко. Так, Н.Ю. Шведова в понятие «контекст» вкладывает содержание, «соответствующее как тому, что называется указательным минимумом, так и тому, что служит языковым окружением, языковой обстановкой вообще» [2]. И.Р. Гальперин определял контекст как «лингвистическую ситуацию», в которой «наблюдаются, анализируются и конкретизируются особенности языковых факторов, являющихся объектом исследования» [3]. Г.В. Колшанский говорил о контексте как о грамматически организованном единстве, в котором реализуется семантика единиц всех уровней. «С лингвистической точки зрения контекст, – указывал Г.В. Колшанский, – может быть определен как совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы» [4].

Интегрированное определение контекста представлено, на наш взгляд, в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» И.Г. Торсуевой: «Контекст – это фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста. Иначе говоря, контекст есть фрагмент текста минус определяемая единица» [5].

По характеру коммуникативной нагрузки исследователи выделяют два основных вида контекста:

1) экстралингвистический контекст, или сверхконтекст (С.Ш. Чагдуров), культурный (Г.В. Колшанский), ситуативный (Л.А. Новиков), т.е. такой, который явно не выражен вербальными средствами, а представляет собой фоновые знания;

2) собственно лингвистический, или эксплицитный.

«Под лингвистическим контекстом, – пишет Л.И. Донецких, – понимаем лексико-грамматические условия функционирования слова,

совокупность языковых единиц, достаточных для реализации эмоционально-смысловых приращений слова, а также актуализации его лексико-семантических и коннотативных вариантов» [6].

Наиболее существенные работы по теории лингвистического контекста выполнены независимо друг от друга учеными в Лондоне (школа Ферта), в Санкт-Петербурге (школа Н.Н. Амосовой) и в Москве (Г.В. Колшанским). Основной функцией лингвистического контекста, по мнению Н.Н. Амосовой и ее учеников, является снятие полисемии и омонимии, свойственных лексике в языке. Н.Н. Амосова ограничивала контекст пределами предложения, ее ученики вывели контекст за рамки предложения.

Контекст может быть постоянным и переменным, лексическим и грамматическим (синтаксическим, морфологическим или смешанным).

Контекстологическую теорию Н.Н. Амосовой можно дополнить соображениями, высказанными У. Вейнрейхом, который считал, что контекст позволяет не только выбрать одно из возможных значений многозначного слова, но и установить наличие приращения к значению слова (гиперсемантизация) или, напротив, утрату словом некоторых компонентов значения (десемантизация). Первая функция ярче всего проявляется в поэтической речи, вторая – в разговорной.

Определение функций контекста привело ученых к необходимости разработки проблемы стилистического контекста, обладающего своими специфическими чертами. Исследования показали, что между лингвистическим и стилистическим контекстом существуют материальные и функциональные различия. «Материальное различие, – указывает Н.К. Соколова, – заключается в том, что соответственно соотносятся нехудожественная и художественная речь, функциональное различие – в том, что лингвистический контекст представляет собой функциональное пространство слова или грамматической формы, стилистический, или поэтический, контекст – функциональное пространство единицы поэтической речи, или экспрессемы» [7]. Другими словами, лингвистический контекст выявляет содержание или грамматические функции какой-либо языковой единицы, контекст стилистический служит актуализации какой-либо единицы художественного текста.

Применительно к художественной речи некоторые исследователи предлагают использовать термин «поэтический» или «идейно-художественный» контекст. В качестве наиболее характерного свойства художественного контекста называется его способность к наращиванию содержательного потенциала слова, добавляя несвойственные ему значения, изменяя имеющиеся.

Поэтический контекст, по словам М. Полякова, «оживляет, расчленяет слово и, подобно кассетному снаряду, порождает многоаспектность внутренней формы», он «придает слову как бы пульсирующее значение, то непомерно расширяющееся, то ошеломительно сужающееся» [8]. Поэтому поэтический контекст – это динамический контекст. Динамичность его проявляется в том, по мнению М. Полякова, что «в поэзии нет готового смысла, в ней постоянно существует подвижность, перестройка значений» [8]. Художественный контекст называют также контекстом актуализирующим, ибо он «высвечивает» или намагничивает при помощи различных и разноуровневых актуализаторов (контактных и дистантных) нужные смыслы и эмоционально-содержательные ассоциации, очищает слово от его прошлых значений, накопленных памятью, и создает ему «актуальное» значение. Актуализирующий контекст либо воспроизводит потенциально заложенное в эмоционально-содержательной структуре слова, актуализирует его глубинные смыслы в новых семантических

условиях, предугадывая их наличие; либо создает особые семантические поля, ассоциативные сферы, где рождается новое значение, оттенки значения.

Обобщая изложенное выше, выделим основные функции художественного контекста:

1 Снятие полисемии.

Многозначность присутствует в слове лишь как возможность: информационная природа языка стремится не допускать смысловой неопределенности. Контекст же «играет роль регулятора» (Ю.М. Лотман), исключая ненужное и становящееся вредным многозначие, оставляя одно – единственно необходимое – значение, как, например, в стихотворении А.С. Пушкина:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия...

В данном контексте реализуется переносное значение слова «сердце» – «символ переживаний, чувств, настроений человека».

2 Конкретизация значения.

Контекст отсекает все составляющие семантической структуры слова, кроме признака, который необходим для выражения художественной идеи, для создания образа – носителя этой идеи. Причем, чем разветвленнее семантическая структура, чем ближе слово к разряду слов широкой семантики, тем выше конкретизирующая, избирательная роль контекста. Это свойство контекста, например, мастерски использует М. Цветаева:

Два солнца стынут – о господи, пощади! –
Одно – на небе, другое – в моей груди!

Значение выражения «два солнца стынут» раскрывается с помощью слов «на небе» и «в моей груди». В первом случае становится ясно, что речь идет о небесном светиле, которое, теряя тепло, становится холодным, во втором – о чем-то, что было источником жизни для автора этих строк, но утратило силу.

3 Обогащение лексического значения слова.

Как было уже отмечено, художественный контекст способствует наращиванию содержательного потенциала слова, добавляя несвойственные ему значения, изменяя имеющиеся. Дополнительные оттенки значения, возникающие в контексте, могут быть как смысловыми, так и эмоционально-экспрессивными. Так, в строках:

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля,
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери, –

в результате межрифменных ассоциаций существительные «маляр», «фигляр» приобретают контекстуальное значение «бездарность», а имена собственные – «деятель искусства, гений».

4 Индивидуализация значения.

В рамках того или иного контекста осуществляется выбор определенных компонентов и оттенков значения, обусловленный эстетическими задачами, слово в результате приобретает значение, актуальное только в данном контексте. Такие значения в силу своей вариативности, изменчивости и множественности не фиксируются словарями и в семантическую структуру слова не входят. В лингвистике слова с такими значениями получили название «окказионализмов», или «индивидуально-авторских семантических неологизмов».

Применительно к поэтической речи можно говорить об индивидуализации значения всякий раз, когда слово приобретает новое значение или оттенок значения при создании художественного образа. Например, в знаменитых строках М.Ю. Лермонтова:

Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар? –

существительное «дар» приобретает значение «яркий, горящий поэтический талант» в результате рифменного сопоставления слов «дар – пожар».

Охарактеризованные выше функции контекста обеспечиваются с помощью различных средств, основными среди которых, по мнению большинства исследователей, являются:

I Языковые средства:

1 Семантические сдвиги в структуре лексического значения слова:

а) оживление внутренней формы (стертой общепоэтической метафоры) при метонимической замене деятеля, как, например, в следующих строках Ф.И. Тютчева:

Сентябрь холодный бушевал,
С деревьев ржавый лист валился,
День потухающий дымился,
Сходила ночь, туман вставал.

Обычно глагол «бушевать» употребляется в сочетаниях со словами «пожар, ветер, море». «Сентябрь холодный» выступает у Ф.И. Тютчева метонимическим обозначением сентябрьской холодной погоды, ветра;

б) активизация прямого значения в общезыковой метафоре. К примеру, у Б. Пастернака:

На улицах, шагах в пяти,
Стоит, стыдясь, зима у входа
И не решается войти.

В метафорическом значении глагола «стоит» происходит активизация прямого значения слова в результате введения элементов, буквализирующих его значение, – «шагах в пяти», «у входа»;

в) перестройка семантических признаков в структуре лексического значения (актуализация одного и усечение остальных);

г) добавление семантических признаков;

д) метафоризация.

Например, в цитируемых ниже строках из стихотворения Ф.И. Тютчева лишь два слова – «волна» и «вечер» – употреблены в прямом значении:

Над волной темно-лазурной
Вечер пламенный и бурный
Обрывает свой венок ...

2 Нарушение языковой нормы:

а) сближение слов, не имеющих общих семантических признаков, как в стихотворении Ф.И. Тютчева «Осенний вечер»:

Зловещий блеск и пестрота дерев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею...;

б) сближение слов с далекими основными признаками:

Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон;

в) сближение в тексте стихотворения слов, утративших этимологические связи:

Черный читает чтец,
Топчутся люди праздные...
– Мертвый лежит певец
И воскресенье празднует.

г) сравнение несопоставимого:

Есть имена, как душистые цветы,
И взгляды есть, как пляшущее пламя...

д) реализация в одном контексте двух значений одного слова. Например, в приведенном ниже отрывке из стихотворения Б. Пастернака одновременно реализуются разные значения глагола «пронзать» («освещать», «протыкать» – о тьме или плотной массе, «пристально глядеть»):

Тогда я понял, почему
Она во время снегопада,
Снежинками пронзая тьму,
Заглядывала в дом из сада;

е) необычное размещение элементов в предложении, или инверсия. Например, позиция определений-прилагательных, усиливающая выражаемый ими смысл:

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

3 Контекстуальная синонимия.

Примером такой синонимии могут быть следующие строки из стихотворения Ф.И. Тютчева:

Чародейкою зимою
Околдован, лес стоит –
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит, –

где прилагательное «немой» воспринимается как синоним слова «неподвижный». С точки зрения же общезыковой семантики таковыми их считать нельзя.

4 Контекстуальная антонимия.

В стихотворении М. Цветаевой «Жизни» оппозиция местоимений «я – ты» обуславливает, например, антонимию существительных «погоня – бег»:

Не возьмешь моего румянца –
Сильного – как разливы рек!
Ты охотник, но я не дамся,
Ты погоня, но я есмь бег.

5 Повтор:

а) звуковой (аллитерация, ассонанс). Так, например, в известных строках Ф.И. Тютчева:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом –

раскаты грома передаются повтором звука [р] и сочетания звуков [гр];

б) семантический, или повтор семантических признаков.

Образность следующих строк Ф.И. Тютчева создается в результате повтора общего компонента значения – «немогущий и слабый» – в словах «ветхий» и «изнуренный»:

Вдруг по деревьям испещренным
С из ветхим листьем изнуренным,
Молниевидный брызнет луч..;

в) лексический, или повтор одного и того же слова, подчеркивающий тот или иной признак значения. См., например, у Ф.И. Тютчева:

Нет дня, чтобы душа не ныла,
Не изнывала б о былом,
Искала слов, не находила,
И сохла, сохла с каждым днем;

г) параллелизм:

Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.

Параллелизм двух последних строк из стихотворения М. Цветаевой акцентирует наше внимание на ключевых для понимания смысла стихотворения и предыдущих строчек словах – «смех» и «мазурка».

II Собственно контекстуальные средства.

1 Выдвижение в сильную позицию текста наиболее значимых для выражения художественной идеи слов:

Имя твое – птица в руке,
Имя твое – льдинка на языке.
Одно-единственное движение губ.
Имя твое – пять букв...

В приведенном отрывке из стихотворения М. Цветаевой, посвященного А. Блоку, стоящие в конце каждой строки слова (для поэтических текстов это сильная позиция) определяют отношение поэтессы к А. Блоку и его творчеству через ассоциации, которые возникают при восприятии этих слов.

2 Нарушение предсказуемости, или отсутствие в тексте элементов, которые читатель прогнозирует на основе речевого опыта или фоновых знаний. Неожиданным, например, является образ «чуткой темноты» (вместо «чуткой тишины») в стихотворении Ф.И. Тютчева:

И вот опять уж потемнело,
Все стихло в чуткой темноте –
Как бы таинственное дело
Решалось там – на высоте.

3 Конвергенция, или схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции. Взаимодействуя, стилистические приемы оттеняют, высвечивают друг друга и не могут быть не замеченными. Например, в отрывке из стихотворения П. Антокольского (цикл «Обручение во сне»):

Двоились рельсы. Сумрак сиплым
Свистком искромсан был.., –

эффект от метафорического образа – сумрак разрезается свистком паровоза, как ножом, – подкрепляется аллитерацией [с], имитирующей звук разрезания, рассечения, подобный свисту стали, рассекающей воздух. Происходит изменение в содержании слова «сумрак» – его можно кромсать, это ткань. Свисток – тоже не звук, он режет, разрывает на части.

4 Оппозиция изобразительных и выразительных средств:

а) оппозиция прямого и переносного значений слов:

И так же будут таять луны
И таять снег,

Когда промчится этот юный,
Прелестный век.

б) оппозиция рифмующихся слов:

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил.

5 Использование слов одного семантического комплекса для характеристики слов другого семантического комплекса. Яркая образность пейзажной лирики Ф.И. Тютчева, например, создается в результате введения в текст стихотворений метафорических глаголов, связанных с семантическим комплексом «человека»:

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

6 Введение в текст слов с традиционным символическим значением (огонь, свет, день, ночь, чаша, путь и др.).

Использование традиционных поэтических символов, как правило, обуславливает развитие дополнительных оттенков значения у слов, составляющих с этим символом единый тематический комплекс. Например, символическое значение слова «путь» – «жизнь человека» – определяет контекстуальное значение существительного «перекресток» – «некий этап в жизни, момент, требующий выбора дальнейшего направления в жизни» в стихотворении М. Цветаевой «Собирая любимых в путь»:

Собирая любимых в путь –
Я им песни пою на память,
Чтобы приняли как-нибудь –
Что когда-то дарили сами.
Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрестка.
– Ты без усталы, ветер, пой!
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Таким образом, подлинное восприятие поэтических текстов может явиться лишь результатом их углубленного контекстологического анализа.

Как видим, изучение отличительных особенностей поэтического слова как основной единицы художественной речи предполагает обращение к поэтическому контексту, который учеными определяется как динамический, актуализирующий, воспроизводящий и создающий контекст (основанием для таких определений являются функции контекста). Реализацию же данных функций контекста обеспечивают как языковые, так и собственно контекстуальные средства.

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the poetic context role. Author considers the different functions of the context and the means of their realization. It is pointed out that expressive-notional poetic texts perception is possible only on the bases of the deep contextological analysis.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В.В. Основные типы лексического значения слова /В.В. Виноградов Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.
2. Шведова Н. Ю. Типы контекстов, конструирующих многоаспектное описание слова //Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. – М., 1982.

3. Гальперин И.Р. О понятии «текст» //Лингвистика текста: Материалы научной конференции. – М., 1974. – Ч. 1.
4. Колшанский Г. В. О природе контекста //Вопросы языкознания.–1959.–№ 4.–С. 47–49.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990.
6. Донецких Л.И. Эстетические функции слова. – Кишинев, 1982.
7. Соколова Н.К. Изучение разных уровней поэтического текста при контекстологическом анализе // Лингвистический анализ в школе и вузе. – Воронеж, 1983.
8. Поляков М.Я. Вопросы поэтики и художественной семантики. – М., 1986.

Поступила в редакцию 6 июня 2006 г.

СЛОЖЕНИЕ КАК СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА ПРИМЕРЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ)

А.В. Шевцова

Словообразовательные отношения между словами определяются различной степенью обобщенности. Наиболее обобщенной единицей словообразовательных отношений является способ словообразования. Способ словообразования характеризует отношения между производящим словом (или словосочетанием) и словом производным с точки зрения типа формальных средств, отличающих первое от второго.

Словообразовательные отношения между словом и словосочетанием представлены сращением и сложением.

Сложение, как прием конструирования производной единицы, обусловлено потребностью называния денотата сложной семантической структуры, стремлением к экономии языковых средств. В русском языке сложные слова образуются на основе словосочетаний и по аналогии с существующими моделями сложных слов.

Образованные по аналогии композиты сохраняют отношения между компонентами, типичные для данной модели, следовательно, они, хотя и отдаленно, также соотносятся с синтаксическими единицами. Такое предположение о разной степени корреляции сложных слов и словосочетаний соответствует постулату об изоморфизме языковой структуры, так как история многих морфологических единиц - «это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические» [1].

В композитах, кроме семантических и морфологических отношений, наблюдаются элементы синтаксической соотнесенности конstituентов, однако компоненты сложений не сохраняют первичных синтаксических связей, а лишь вступают в опосредованные синтаксические и смысловые отношения.

Процесс сложения, как и аффиксация, является одним из актуальных процессов словообразования, в результате которого «создается новая лексема, по своим признакам соответствующая слову как кратчайшей единице, самостоятельной по своему значению и форме, однако имеющая опосредованные синтаксические связи [2].

В зависимости от того, что объединяется в целостную лексическую единицу - основы или слова, сложение распадается на основосложение и словосложение [3;4;5].

Положение о разграничении сложения на слово- и основосложение принимается не всеми лингвистами. Так, В.Н. Немченко рассматривает основосложение и словосложение как единый процесс образования сложных слов [6]. К.А. Левковская отмечает, что процесс сложения основ обозначается как словосложение [7]. В.В. Лопатин, И.С. Улуханов определяют сложение как «способ образования слов с более чем одной